Раздел 7.
ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ВОКРУГ АФГАНИСТАНА (ИСТОРИКО–ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Афганский внутренний социально-экономический и политический кризис, корни которого уходят к середине XX в., с приходом в Кабуле в 1978 году к власти левых радикалов приобрел совершенно новое измерение. Запад расценил это событие как опасный прецедент «коммунистического» проникновения в страны Востока, а весьма могущественные, прежде всего арабские, консервативные мусульманские режимы – как угрозу ценностям и безраздельному влиянию ислама на обширном азиатском пространстве. Под флагом борьбы с «красной» опасностью и защиты ислама началась невиданная доселе эскалация вмешательства извне во внутриафганские дела. Афганистан был ввергнут в пучину длительной, кровопролитной гражданской войны. Положение еще больше осложнилось после ввода в эту страну советских войск. В мировой политике появился так называемый «афганский вопрос».

Афганский вопрос накануне Женевы

К разрешению указанного вопроса незамедлительно подключились и мировое сообщество, [1] и силы, которые прямо или косвенно были еще до этого завязаны в афганском конфликте. В число последних, кроме афганской вооруженной оппозиции, входили США, Саудовская Аравия и почти все монархические арабские режимы зоны Персидского залива, Египет, Иран, Пакистан, Китай, страны Евросоюза, Япония и др. Правда, их подходы к урегулированию ситуации внутри и вокруг Афганистана далеко не совпадали: первое (мировое сообщество), осудив почти единодушно советскую военную акцию, потребовало безоговорочного вывода советских войск из страны, другие же, преследуя свои корыстные геополитические и идеологические цели, полагались исключительно на силовое (военное) решение афганской проблемы.

Поначалу и высшее советское политическое руководство также придерживалось силового варианта решения данной проблемы. Однако вскоре оно, встретив резкое осуждение в мире своей военной акции в Афганистане и столкнувшись с усиливавшимся день ото дня сопротивлением моджахедов и нараставшей военной, финансовой и материальной помощью им со стороны Запада и консервативных режимов региона, пришло к осознанию бесперспективности всех своих усилий добиться мира в этой стране военным путем. Как свидетельствовал Г.М. Корниенко, известный советский дипломат, занимавший в 70–80-х годах последовательно посты первого заместителя министра иностранных дел СССР и первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС, уже «осенью 1981 года политбюро ЦК КПСС одобрило предложение, подготовленное по инициативе МИДа и поддержанное Ю.В. Андроповым, … об организации дипломатического процесса, нацеленного на такое урегулирование ситуации вокруг Афганистана, которое позволило бы вывести советские войска из этой страны» [2]. При этом следует иметь в виду, что в Москве в тот момент пока еще полагали решать вопрос о судьбе советского военного присутствия в Афганистане исключительно на основе двусторонних советско-афганских договоренностей и не ставили задачу делать из него предмет обсуждений и торга на международном уровне. В конце 1982 г. советский лидер Ю.В. Андропов заявил о намерении уйти из Афганистана при условии прекращения Пакистаном поддержки афганской вооруженной оппозиции.

Нужно признать, что Москва и ее протеже Кабул, наряду с использованием военной силы, никогда не отказывалась и от поисков мирных путей и средств, нацеленных на урегулирование ситуации вокруг Афганистана. Вслед за вводом советских войск в эту страну и приведением к власти Б. Кармаля они заметно активизировали дипломатическую деятельность на международной арене по афганскому вопросу. Так, новый афганский лидер (безусловно, с подачи Москвы) уже в первых своих заявлениях в декабре

1979 г. обратился к правительствам Пакистана и Ирана с предложением решить все существующие межгосударственные разногласия и недоразумения путем встреч и мирных переговоров, на основе «общности их исторических судеб» [3]. 14 января 1980 г. он направил личное послание духовному главе Ирана аятолле Р. Хомейни, в котором заявил о готовности Афганистана «иметь с Исламской Республикой Иран самые дружественные отношения, основанные на исламском братстве», и предложил встретиться с иранским лидером, чтобы «устранить существующие недоразумения между двумя странами» [4]. Афганский лидер, выступая 19 марта 1980 г. по кабульскому радио и телевидению в связи с наступлением Нового года (по мусульманскому календарю), снова вернулся к вопросу о нормализации отношений со своими восточным и западным соседями и заявил, что глубокие исторические, культурные и религиозные узы, связывающие народы Афганистана, Пакистана и Ирана, просто «обязывают их жить в атмосфере взаимопонимания, мира, братства и согласия» [5].

В середине апреля 1980 г. руководство Демократической Республики Афганистан выступило с программным документом «Тезисы Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана ко второй годовщине Саурской революции», в котором призвало правительство Пакистана «провести необходимые переговоры на двусторонней основе и принять совместные меры к смягчению и устранению напряженности в афгано-пакистанских отношениях, преднамеренно нагнетаемой империалистическими и реакционными силами в своих собственных корыстных интересах». В этом же документе Кабул, обращаясь к правительству Исламской Республики Иран, подтвердил «свою неизменную готовность к развитию традиционных отношений дружбы и сотрудничества с братским мусульманским народом Ирана» [6].

Новое обращение кабульских властей к своим соседям прозвучало в докладе Б. Кармаля на торжественном заседании 26 апреля 1980 года, посвященном 2-й годовщине Апрельской революции. «Мы верим, – сказал он, – что между Афганистаном и соседними странами не существует каких-либо разногласий, которые бы не могли быть урегулированными мирным путем в интересах их народов, на основе доброй воли и желания их государственных лидеров». Одновременно афганский руководитель сообщил, что его правительство уже «приступило к подготовке серии новых мирных инициатив, направленных на урегулирование международной ситуации в регионе и создание атмосферы доверия и доброй воли, необходимых для устранения разногласий через спокойные и плодотворные переговоры» [7].

Обширная программа политических мер из семи пунктов по нормализации обстановки в регионе, в центре которой оказался афганский вопрос, была выдвинута правительством ДРА в Заявлении от 14 мая 1980 г. [8]. Изложенные в этом документе мирные инициативы кабульского правительства включали следующее:

– начать афгано-иранские переговоры для выработки на двусторонней основе соглашения о развитии дружественных отношений и всестороннего сотрудничества между обеими странами. Было подчеркнуто, что правительство ДРА также предлагает провести афгано–пакистанские переговоры с целью заключения двустороннего соглашения о нормализации отношений на основе взаимного уважения суверенитета, добрососедства и невмешательства во внутренние дела друг друга, включая и принятие на себя конкретных обязательств по недопущению вооруженной и любой другой деятельности со своей территории против другой стороны;

– правительство ДРА еще раз призывает всех афганцев, временно, в силу тех или иных причин оказавшихся на территории Пакистана и других соседних стран, возвратиться на свою родину. Всем репатриантам, в соответствии со всеобщей амнистией, объявленной в правительственном заявлении от 1 января 1980 г., гарантируется полная свобода и неприкосновенность, выбор местожительства и рода занятий и предоставление необходимых льгот и помощи. Афганское правительство просит власти Пакистана и других сопредельных стран оказать содействие афганским гражданам в их свободном возвращении в Афганистан;

– в случае нормализации отношений с соседними странами правительство ДРА готово рассмотреть и другие вопросы межгосударственных отношений, включая и те из них, которые длительное время составляют предмет разногласий между ними;

– предлагая начать двусторонние переговоры с соседними странами без каких–либо предварительных условий, правительство ДРА исходит из того, что их контакты между собой не должны сопровождаться продолжением враждебной деятельности против Афганистана. С самого начала политических переговоров должны быть приняты практические меры по прекращению вооруженных и любых других форм вмешательства в афганские дела;

– составными элементами урегулирования афгано-пакистанских и афгано-иранских отношений должны стать соответствующие политические гарантии со стороны ряда государств. По мнению ДРА, ими могли бы быть СССР и США. «Что касается США, – говорилось в цитируемом документе, – то их гарантии должны включать ясно выраженное обязательство не вести какой бы то ни было подрывной деятельности против Афганистана, включая и с территории третьих стран;

– правительство ДРА заявляет, что вопрос о выводе из Афганистана ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) может быть решен лишь в контексте политического урегулирования афганской проблемы, то есть в общей увязке с прекращением и гарантированным невозобновлением вооруженного и любых других форм вмешательства во внутренние дела ДРА;

– правительство ДРА считает, что в процессе политического урегулирования должны быть приняты во внимание сложившаяся обстановка в регионе Индийского океана и Персидского залива, а также военно-политическая деятельность государств, не принадлежащих к данному региону. ДРА поддерживает предложения о превращении этого района в зону мира, о ликвидации там иностранных военных баз и принятии других мер по снижению напряженности и укреплению безопасности.

В заключении рассматриваемого Заявления афганское правительство еще раз со всей определенностью подчеркнуло, что вопросы, затрагивающие интересы Афганистана, не могут обсуждаться и решаться без участия правительства ДРА или помимо его. Правительство Афганистана выразило надежду, что выдвинутая им конкретная программа политического урегулирования афганской проблемы встретит понимание и благоприятный отклик со стороны правительства Исламской Республики Иран и Пакистана и позволит начать конструктивные переговоры по урегулированию отмеченных в Заявлении проблем.

С мая 1980 по конец июля 1981 г. афганская сторона по крайней мере шесть раз обращалась на разных уровнях к Пакистану и Ирану с предложениями начать прямые двусторонние переговоры по вопросу о нормализации межгосударственных отношений [9]. Однако и Пакистан, и Иран остались глухими к мирным инициативам правительства ДРА, считая его нелигитимным, хотя, между прочим, и продолжали держать свои дипломатические представительства в афганской столице.

Новые предложения по мирному урегулированию афганской проблемы были изложены в Заявлении правительства ДРА от 24 августа 1981 г. [10]. В нем, наряду с подтверждением известных инициатив, сформулированных в Заявлении правительства ДРА от 14 мая 1980 г., выдвигался целый ряд новых идей. В частности, официальный Кабул, считая по-прежнему предпочтительным и наиболее обещающим проведение переговоров как с Пакистаном, так и с Ираном на двусторонней основе, выразил готовность, если на то будет желание Пакистана и Ирана, провести трехсторонние переговоры. При этом было отмечено, что афганская сторона не возражает против участия в переговорах – будь то двусторонних или трехсторонних – генерального секретаря ООН или его представителя.

В указанном Заявлении было особо подчеркнуто, что неотъемлемой частью политического урегулирования афганской проблемы должны были стать надежные международные гарантии, предусматривающие прекращение и невозобновление вооруженного и

иного вмешательства в дела Афганистана. Было отмечено, что страны–гаранты, в числе которых, по мнению правительства ДРА, могли бы быть СССР и США, а также и другие государства, приемлемые как для Афганистана, так и для его соседей, должны «принять соответствующий документ, в котором они взяли бы на себя обязательство уважать и соблюдать суверенитет, независимость и территориальную целостность Афганистана и его статус неприсоединившегося государства. Со своей стороны, ДРА подтвердила бы свою приверженность политике мира и неприсоединения, свое стремление развивать дружественные связи со всеми странами и в первую очередь с соседями».

Правительство ДРА, видя нежелание ее непосредственных соседей вести прямые переговоры с афганской стороной на официальном уровне, высказало мнение о том, что на первых порах обсуждение проблемы урегулирования «могло бы вестись в форме неофициальных многосторонних консультаций, а затем и на соответствующем международном уровне».

Касаясь проблемы советского военного присутствия в Афганистане, правительство ДРА снова подтвердило, что вопросы порядка и графика вывода ОКСВ из страны будут решаться по согласованию между афганской и советской сторонами в тесной увязке с политическим урегулированием, то есть в контексте прекращения и гарантированного невозобновления вмешательства извне во внутриафганские дела.

Заключая данное Заявление, правительство ДРА отметило, что «при любом варианте переговоров – двустороннем, трехстороннем или многостороннем – ... не подлежат обсуждению вопросы, касающиеся как существующего режима в Афганистане и состава его правительства, так и иных внутренних дел». При этом подчеркивалось, что «такого рода вопросы будут решаться в будущем только афганским народом и никем иным».

Нельзя сказать, что мирные инициативы Кабула не были услышаны в мире. В их поддержку выступили многочисленные друзья и сторонники СССР и левого кабульского режима в различных странах, ряд влиятельных международных правительственных и неправительственных организаций. Состоявшаяся в феврале 1981 года Конференция министров иностранных дел неприсоединившихся стран, фактически поддержав указанные выше предложения Кабула, призвала решать афганскую проблему «политическими средствами на основе вывода иностранных войск из страны и полного уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности и статуса неприсоединения Афганистана». В такой формулировке данный призыв постоянно включался в политические декларации всех последующих конференций глав государств или правительств неприсоединившихся стран, которые созывались в 80-х годах XX в. [11].

Как и следовало ожидать, советская военная акция в Афганистане серьезно встревожила мировое сообщество. 9 января 1980 г. афганский вопрос был вынесен на обсуждение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, а 14 января – и 6-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Последняя, осудив подавляющим большинством своих членов «вооруженное вторжение в Афганистан», потребовала «немедленного, без каких–либо условий и полного вывода иностранных войск из Афганистана». В последующем указанное требование слово в слово повторялось во всех резолюциях по Афганистану, которые Генеральная Ассамблея ООН принимала в 80-х годах на своих ежегодных очередных сессиях [12].

На советскую военную акцию в Афганистане весьма жестко отреагировала Организация Исламская Конференция (ОИК). В резолюции, принятой на чрезвычайной встрече министров иностранных дел ОИК, которая состоялась в Исламабаде с 25 по 28 января 1980 г., была решительно осуждена «советская военная агрессия против афганского народа» и выдвинуто требование о немедленном и безусловном выводе всех советских войск с афганской территории. Наряду с этим, было приостановлено членство Афганистана в ОИК, а странам – членам данной Организации предложено воздержаться от признания законным кабульский режим, разорвать с ним дипломатические отношения и прекратить предоставление любой помощи ДРА до тех пор, пока не будут выведены из страны советские войска [13].

Учитывая важность инициатив ОИК и усилий Движения неприсоединения (ДН), направленных на политическое решение афганской проблемы, 35-я сессия ГА ООН в резолюции 35/37 от 20 ноября 1980 г. предложила генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму предпринять соответствующие шаги в этом направлении. В соответствии с данным поручением, были установлены контакты с представителями Пакистана, Ирана и Афганистана, некоторыми странами – членами ОИК и ДН. В апреле 1981 г. генеральный секретарь ООН назначил Переса де Куэльяра своим личным представителем по урегулированию афганской проблемы. В середине этого же месяца Перес де Куэльяр посетил Кабул и провел переговоры с высшим афганским руководством. Состоявшиеся встречи в Кабуле, ознакомление личного представителя генерального секретаря ООН с мирными инициативами правительства ДРА, а также выяснение позиций на сей счет руководящих верхов Пакистана и Ирана явились непосредственным прологом к переговорному дипломатическому процессу по всеобъемлющему урегулированию афганской проблемы.

Новый импульс этому процессу был дан решениями 36-й сессии ГА ООН. Ее резолюция 36/34 от 18 ноября 1981 г., потребовав снова «немедленного вывода иностранных войск из Афганистана», предписала генеральному секретарю ООН продолжать усилия по поиску политического решения афганского вопроса [14]. Потребовалось еще несколько месяцев для того, чтобы подготовить почву для начала переговорного процесса. В апреле 1982 г. генеральный секретарь ООН (1 января 1982 г. им стал Перес де Куэльяр) назначил Диего Кордовеса своим представителем по урегулированию положения вокруг Афганистана. Действуя в рамках своей миссии, Д. Кордовес во второй декаде апреля посетил Исламабад, Кабул, Тегеран и Москву, а также встретился с представителями американской администрации. Итогом этих встреч и визитов явилось согласие правительств Афганистана и Пакистана на ведение непрямых переговоров под эгидой ООН. Иран отказался от участия в переговорах, мотивируя это тем, что Кабул не согласился с его (Ирана) предложением включить в переговорный процесс представителей афганской вооруженной оппозиции.

Возникает вопрос: что же заставило пакистанский военный режим, вопреки советам его заокеанского и региональных друзей, пойти на эти переговоры? Безусловно, к этому его толкали как настойчивые призывы мирового сообщества к поискам мирного разрешения афганского конфликта, так и внутренняя ситуация, сложившаяся в то время в Пакистане: требования антиправительственной демократической оппозиции, обострение в стране социальных, национальных и религиозных противоречий и усиливавшаяся напряженность в пограничной полосе с Афганистаном, вызванная нахождением там многочисленных афганских вооруженных группировок и кровавыми разборками между ними, а также притоком в страну сотен тысяч афганских беженцев [15]. Хотя, и это следует особо выделить, переговоры с Кабулом шли вразрез с далеко идущими амбициозными планами пакистанского военного режима (см. об этом ниже) и его приверженцев из стана крайне правых религиозно-политических организаций Пакистана. Среди этих организаций самой воинственной была «Джамаат-и ислами». Напомним: именно она вместе с пакистанскими спецслужбами опекала афганскую вооруженную оппозицию и контролировала лагеря афганских беженцев, через нее поступала подавляющая часть помощи на нужды джихада от Саудовской Аравии, консервативных арабских режимов и разного рода исламских «благотворительных» фондов и организаций. Выражая волю и взгляды указанных спонсоров афганской антиправительственной вооруженной оппозиции, лидер «Джамаат–и ислами» Миан Туфаил Мухаммад в заявлении от 24 июня 1983 г. потребовал от правительства Пакистана не идти ни на какие уступки и компромиссы на женевских переговорах и, более того, отказаться от принятого формата переговоров. По его мнению, только моджахеды имеют право принимать решение о судьбе Афганистана и только они должны сесть за стол переговоров с другой воюющей стороной – Советским Союзом [16].

Что касается США, покровителя пакистанской военщины, то и они были не особенно заинтересованы в быстрейшем решении афганского вопроса через проведение перегово-

ров, поскольку продолжение войны в Афганистане наилучшим образам отвечало их (США) стратегии «крестового похода» против мирового коммунизма, стратегии изматывания и дальнейшей дискредитации своего идеологического противника. Вместе с тем, как им представлялось, и переговоры по Афганистану, параллельно с эскалацией военного давления на Советы, могли бы также принести ощутимые политические дивиденды. Кроме того, определенное влияние на позицию администрации США оказывала и мировая общественность, активно выступавшая за урегулирование положения в Афганистане и вокруг него политическими средствами. Именно данные обстоятельства и заставили Вашингтон дать свое согласие на участие Пакистана в переговорах по афганской проблеме.

Против мирного урегулирования афганской проблемы на условиях Кабула и Москвы решительно выступила афганская вооруженная оппозиция. Один из ее лидеров Г.Хекматьяр по этому поводу писал, что предложенный Кабулом и Москвой «план политического решения афганской проблемы есть ни что иное, как ловушка и обман, имеющие целью отвлечь внимание моджахедов от продолжения джихада», как стремление «одурачить афганский народ, чтобы под завесой ухода русских из Афганистана оставить у власти в стране своих агентов» [17]. Ему вторил другой лидер фундаменталистского крыла оппозиции Б. Раббани. Осудив визит Д. Кордовеса в Кабул и его переговоры по проблеме Афганистана с Б. Кармалем, Б. Раббани подчеркнул, что «моджахеды категорически отвергают такое политическое решение, при котором в стране окажется марионеточное правительство, угодное русским» [18].

По мнению Б. Раббани, высказанному в начале 80-х годов XX в., решение афганского вопроса могло состояться лишь при соблюдении следующих основных условий:

1) необходимо любой ценой привести к власти в Афганистане истинно исламское правительство. Без этого условия, подчеркнул он, «любое политическое решение будет лишенным всякого смысла и значения»;

2) абсолютно неприемлемо любое политическое решение афганской проблемы, которое будет предусматривать «официальное признание продажной клики Б. Кармаля»;

3) не будет иметь никакого значения любое политическое решение по вопросу о выводе советских войск из страны, если моджахеды будут отстранены от переговорного процесса [19].

Таким образом, в начале 80-х годов по вопросу о нормализации обстановки внутри и вокруг Афганистана четко обозначились два противоположных подхода. Москва и Кабул выступали за достижение политических договоренностей относительно прекращения вооруженного вмешательства извне во внутриафганские дела, возвращения беженцев и гарантированного невмешательства в дела друг друга с увязкой этих процессов с последующим выводом советских войск из Афганистана. Запад же и их союзники в регионе видели решение афганской проблемы исключительно в безоговорочном выводе советских войск из Афганистана, отстранении от власти вооруженным путем левого кабульского режима, а афганская фундаменталистская оппозиция и Пакистан, кроме того, и в установлении в стране исламской формы правления и государственного устройства.

Наряду с этим, пакистанский военный режим во главе с генералом Зия-уль-Хаком неприкрыто лелеял мечту о создании некоей афгано-пакистанской конфедерации, при которой Афганистану отводилась бы роль государства-сателлита под управлением исключительно фундаменталистского крыла афганского сопротивления. «Новое правительство Афганистана, – утверждал Зия-уль-Хак, – будет истинно исламским». Впрочем, его мечты шли гораздо дальше: «Быть может, – говорил он, – к нам присоединятся когда-нибудь Турция и Иран и – почему бы нет – Таджикистан и Узбекистан» [20].

Женевские переговоры по Афганистану

Первый раунд непрямых афгано-пакистанских переговоров через посредничество личного представителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса проходил с 16 по 24